

Мария Давыденко

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мальчик по вызову
роман

Мария Юрьевна Давыденко

Мальчик по вызову

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42834884

SelfPub; 2019

Аннотация

История основана на реальных событиях. Я приехала в Москву за лучшей жизнью, поселилась в хостеле. Среди его жителей оказалось много интересных людей, в том числе, парень-гей, работающий в эскорте. Денис рассказал мне много случаев из своей «профессиональной жизни». Оказалось, что среди его клиентов в основном женатые люди, с детьми. Они ведут вторую жизнь: маскируются и обманывают. Вскоре на одном из «Открытых микрофонов» я познакомилась со стендапером Пашей Залуцким, который первым рассказал на телевидении о своей нетрадиционной ориентации. Фото обложки: Мария Давыденко, все права принадлежат автору. Содержит нецензурную брань.

Мозг человека на девяносто процентов состоит из пред-
рассудков. А оставшиеся десять занимают стереотипы. Но
вот я точно не такая. Я – человек широких взглядов. У ме-
ня прогрессивное мировоззрение. Нет, мне никто не может
навязать свою точку зрения. Ко всему у меня собственное
отношение. Я – неочеловек. Человек глобальной сети.

Я так думала, когда приехала из провинциального горо-
да в хостел «Дане-лия» в районе Арбата. У меня был чемо-
дан, набитый амбициями, шутками для стендап-выступле-
ний и шмотками с распродаж. Я приехала покорять столицу
в серых трениках и майке, извиняюсь, свитшоте, с портре-
том президента и надписью «Нас не догонят».

На обшарпанных стенах висят кадры из фильма «Мими-
но» и «Кин-Дза-Дза». Портрет Режиссёра возвышается над
ними. Вокруг слоняются молодые люди хиппстерского вида.
«Что-то тут слишком много народу! – думаю я. – Обычно в
хостелах три-два постояльца в каждой комнате. Ах, да, этот
хостел стоит три сотки за сутки и находится в центре столи-
цы». Еще называется именем известного советского режис-
сёра.

– Ну, как поступил? – спрашивает парень с козлиной бо-
родкой у парня с подкрученными усами.

– Неа. Завтра поеду на съемки в Питер. А то совсем по-
истратился. Нужно лаве, нужно лаве (деньги – жарг.)

– Вы бронировали? – спрашивает у меня молодой адми-

нистратор в «гавайской рубашке».

Я отвлекаюсь от созерцания происходящего. И задумываюсь, почему на администраторе гавайская рубашка, лето в этом году в Москве определенно не задалось: в июне выпал снег, шли бесконечные дожди. И гавайская рубашка никак не сочетается с бейджем и написанном на нём именем «Елисей».

– Нет. На сайте вроде были свободные места.

– У нас всё забито под завязку. Пардон.

– Я тащила сюда с этим чемоданом из Волгограда. Не пешком, правда, но и на автобусе весьма утомительно. Не выгоняйте меня в ночь!

Парень в гавайской рубашке открыл дверь позади себя. Обратно он появился с двухметровым мужиком, одетым как коренной американец: кепка, шорты, кроссовки. «Прям иллюзион! Вошёл в крошечную коморку один, а обратно вернулся с двухметровым амбалом», – отметила я. Его бейдж рассказывал, что он – старший администратор и зовут его «Стас».

– Хорошо, подождём, приедет ли человек, у которого бронь. Можете пока чайку попить на кухне или на диванчике посидеть.

Я уверенно плюхаюсь на черный кожаный диван в коридоре, начинаю листать инстаграм. В одной из комнат играют на саксофоне.

– Это у нас саксофонист к экзамену готовится, – коммен-

тирует администратор, поправляя свой бейдж с мудреным шрифтом.

Такое ощущение, что сейчас всех «помечают» бейджами, лишь бы человек не мог начать разговор с фразы «как тебя зовут», лишь бы избежать нормального человеческого общения. Интересно, что было бы написано на моём бейдже? «Безработная. Маша»? «Самосовершенствующаяся, в поисках. Маша»? «Типа писатель. Маша»? «Сомневающаяся. Маша»?

Входная дверь открывается и заходит Он – красивый, высокий, стройный, с очками в тонкой черной оправе, в коротком черном пальто с поднятым воротником. По его повадкам видно, что в этом хостеле он чувствует себя, как дома. По его повадкам видно, что он главная звезда этого хостела.

– У моей бывшей были такие же лосины с оленями. Я её ненавижу, – говорит он, словно сам с собой.

«Что за левый подкат!» – мысленно возмущаюсь я.

– Ты имеешь что-то против оленей?

– Только против девушек с оленями.

Проходит дальше, расточая легкий аромат неопределённости. «Он больше похож на москвича, чем сами коренные жители столицы», – размышляю я.

– Тебе нашлось место. Не самое лучшее, должен сказать, но завтра решим вопрос, – говорит администратор Елисей.

Я, мой чемодан и Елисей перемещаемся к самой дальней комнате. Когда я открыла дверь, будто попала в другое изме-

рение: я почувствовала ужасный запах мужского пота, мужских носков и перегара. Пришлось задержать дыхание.

– Всё, что есть, – констатирует Елисей и вручает мне постельное бельё с полотенцем.

На меня смотрят несколько странных мужиков. Напротив садится мужик с длинными волосами.

– Меня зовут Григорий.

– Не Распутин? – пытаюсь пошутить я.

– Ну, рассказывай! Как жизнь?

Привет, Москва! Я тебя уже люблю. В августе мне исполнится двадцать девять. Курт Кобейн и Михаил Лермонтов уже были мертвы в этом возрасте, а чего добилась я?

Вот она – новая жизнь! Вот она – полная свобода! Вот они – огромные возможности!

Место жительства: хостел. Основное увлечение: поиски работы. Призвание: раздолбайка. Это не мой статус в социальной сети. Там у меня всё, как у людей, пространная цитата: «Всё будет так, как и должно быть, даже если будет наоборот», чтобы это не значило.

Я курю возле хостела. В одной руке у меня сигарета, а в другой чашка чая. Жутко устала от бесконечных беседований и осознания, что в Москве мой диплом журналиста и несколько лет стажа в провинциальной газете никому не интересны, а в официантки не берут из-за маленького роста. Что я здесь делаю? Зачем я здесь? Такое ощущение, что про-

сто бьюсь головой об стену и наливаю воду в дырявое ведро. Уже хочется вернуться домой. Там нормальная ванная, там моя трёхцветная кошка – метис британской породы, там нормальная еда, которую можно фоткать и выкладывать в инстаграм, а не этот нищесбордский пащтет из перемолотых говяжьих костей. А ведь я до приезда в Москву была вегетарианкой! Дома стабильность, и там не так сильно ощущаешь себя жалкой неудачницей. Там не надо ходить по Арбату и чувствовать себя бомжом на фоне нескончаемого потока мерседесов, фордов, майбахов и феррари. Там родной телек с двумя сотнями каналов, и к нему нет очереди из постояльцев хостела.

– А чего ты такая маленькая и грустная? – спрашивает Илья, тот самый богемный парень, звезда хостела №1.

– А ты чего такой полосатый?

Он в данный момент в полосатой футболке и полосатых шортах.

– Это даже не мои шмотки.

– А сегодня один парень жаловался, что его трусы воруют. Не ты случайно промышляешь?

Илья смеётся.

– Зачёт, зачёт. А сколько тебе лет? Мне, например, двадцать восемь.

– Значит, мне столько же.

– Не столько же. Мне на пять меньше. Двадцать три.

– А, ты задаёшь наводящие вопросы и узнаёшь всё о че-

ловеке?

– Поняла, зараза! А ты режиссёр, как большинство жителей хостела?

– Скорее, сценарист. Вот опять! Ты снова выведал у меня факт из биографии!

– А откуда такая коричневенькая крутая сигарета? Разоряешься на курево?

– Нет, стрельнула у местного режиссёра. Ещё стреляю сигары у наших хостельных кубинцев, которые поют на Новом Арбате. Ты их слышал хоть раз?

– Да тысячу раз! И даже снимал на видео. А ты кем работаешь? Профессиональным стреляльщиком сигарет?

– Да, у меня в трудовой книжке так и написано: «Стреляла на Новом Арбате».

Он снова смеётся.

– А ты прикольное, чем я сначала подумал. Пошли потрахаемся?

– Не, не, это ты студенток в душ затаскивай! Я – пас.

На кухне «повторяю» чашку чая, присаживаюсь за деревянный стол. По телевизору идёт «Орёл и решка», выпуск об Абу-Даби. Изображение постоянно то исчезает, то мелькает. Но я уже практически привыкла к такому просмотру. Как странно, ко всему можно привыкнуть. «По-соседству» со мной сидит Денис, такой скромный парень в неизменном кардигане цвета крем-брюле.

– Будешь пастилу? – предлагает он мне к чаю.

– Не откажусь.

Отламываю себе кусок розовой пастилы и обильно запи-
ваю чаем. Хочу взять с полки свой хлеб из магазина здоро-
вого питания, но понимаю, что его там нет.

– Кто-то сожрал мой хлеб! Вот сволочи!

– Я свой хлеб держу в шкафчике. Тут всё вобщак запи-
сывают, что плохо лежит.

– Кошмар! Один мужик, когда выезжал, прихватил одеяло
с подушкой!

– Одеяло с подушкой?! Это Федя который? Да, такой об-
щительный был, улыбался, а потом бац и спёр одеяло с по-
душкой!

– И даже ни с кем не попрощался! Ладно бы, если попро-
щался, а то смылся с одеялом и подушкой втихаря.

– Ладно, я побежал. Мне сначала на работу, а потом к быв-
шей заглянуть надо. Она бортпроводницей работает, вино из
Испании привезла.

– Удачи!

Он протирает свои коричневые ботинки специальной
щеткой для обуви и уходит, оставляя аромат загадочности.
«Блин, в этой Москве все такие гламурные, все такие зага-
дочные, все такие интересные, нужно и мне, деревенщине,
подтягиваться», – подумала я.

В Москве десятидневные плановые отключения горячей
воды, и в хостеле только утром нагревают воду бойлером.

Встала в пять часов, чтобы успеть помыть голову. Хватает теплой воды, конечно же, только ранним пташкам. Кто рано встаёт, тот принимает душ с горячей водой, как говорится. В коридоре за большим столом сидит только Денис, щелкает клавиши на ноутбуке. Рядом с ним огромная кружка с кофе.

– Ты, вообще, когда-нибудь спишь?

– За последние три дня я поспал часа два.

– А кем ты работаешь всё-таки?

– Я не хотел бы об этом говорить.

– Скажи по секрету! Я никому не скажу. В эскорте, что ли?

– Да.

Я сказала это в шутку. Но метод Ильи Калашникова в очередной раз сработал. Я попала пальцем в небо. Я почувствовала себя Шерлоком Холмсом и миссис Марпл в одном лице. Даже захотелось погладить себя по голове, но я сдержалась.

– Пошли покурим! – предлагает Денис.

На улице ливень. Мы берём мой зонт с изображением Одри Хепберн, который сушился у выхода. С трудом подкуриваем сигареты, так как ветер тушит богемные спички Дениса, которые он взял в каком-то баре. Я чувствую, как у меня намокает правый рукав пижамы, не поместившийся под зонт. Карие глаза Дениса смотрят на меня сверху вниз. Я знаю, что он простужен, поэтому стараюсь «не попасть» под его дыхание. Болеть мне сейчас никак нельзя.

– А ты с ними просто общаешься или конкретно?

– Конкретно.

Я пытаюсь сдерживать смех, но мне это не удаётся. Меня просто распирает от эмоций. Денис – божий одуванчик, паинька, замечательный человек, наш тихоня и ... шлюх. Мальчик по вызову с лицом круглого отличника. Кто бы мог подумать?! Денис – проститут. Заинька то оказался с секретом. В тихом омуте, как говорится, черти водятся. Никогда не знаешь, что там может скрывать человек.

– Да, ты вынес мне мозг!

– Это самая странная реакция, с которой я когда-либо сталкивался. Ты ржёшь! Могу тебе его ещё больше вынести мозг.

– Ну, попробуй!

– Я работаю... на мужской контингент. Я – гей. Я – пассив.

– Да, здесь должен был быть подводный камень. А кто ещё знает в хостеле?

– Илья и Катя, это та, которая кондитер. Но они знают только то, что я работаю в эскорте. Про ориентацию знаешь только ты.

– Я нормально отношусь к геем. Я – человек широких взглядов.

Я снова смеюсь. Человек с широкими взглядами из города с населением в десять тысяч человек. Толерантность – второе название моего города. Лояльность – его устаревшее название. Пытаюсь вспомнить, что такое «пассив». Вроде это тот, кого имеют в задницу, а если выразиться приличнее –

тот, который получает деньги от актива и позволяет ему с собой всё делать.

– Я могу тебе доверять?

– Без проблем.

И в этом самый момент я пытаюсь решить, как же я отношусь к гомосексуалистам. Раньше я относилась к ним ... никак. Они были для меня сродни лепреконам, кентаврам, героям комиксов. Я о них слышала, они были популярны, обсуждаемы, но лично с ними никогда не сталкивалась. А теперь словно герой какой-то сказки возник передо мной. Кошечей Бессмертный и Баба Яга в одном лице. И не то что бы я только вышла из какого-то аула и всё для меня в новинку, но в тот момент ощущение было именно такое. В моём родном городе, если и есть геи, то они прячутся где-нибудь в холмах и не высовываются. В провинции подобное явление попросту игнорируют. Когда я жила какое-то время в Петербурге, к нам в офис пришёл работать открытый гомосексуалист. Так один парень, прослышав об этом, побежал в сторону церкви с истошным криком «Караул». Мне даже стало за него стыдно. А другая девушка при виде «не того» состроила такую гримасу, что мне казалось, она вот-вот лопнет. На следующий день «не того» мы так и не увидели. Я сделала вывод, что к ним относятся, извиняюсь, как к нечистой силе или исчадиям ада. От них большинство стараются бежать как от прокаженных, словно боятся чем-то заразиться. Будто гомосексуализм передаётся воздушно-капельным путём или

через «вампи́рский» укус.

– А как же бортпроводница, о которой ты рассказывал?
Твоя бывшая.

– Это бортпроводник.

– А она... прости, он знает, чем ты занимаешься?

– Не знает. Мы с ним очень тяжело расставались. Не хочу его расстраивать.

– Слушай, такая история интересная! А давай напишем книгу!

– Я сам уже думал об этом. Но пока, извиняюсь, руки не доходили.

Мы тихо хихикаем, уже практически как закадычные подруги. Должна сказать, я и раньше замечала, что с Денисом чересчур легко общаться: никакого намёка на флирт, никакого намёка на секс, никакого намёка на отсроченный секс. Исключительно просветительские беседы, искренность и отсутствие этого самого «женщины с Венеры, мужчины – с Марса».

– А у тебя есть какой-то опыт в литературном плане? – без обиняков спрашиваю я.

– Никакого. Я чисто финансист по складу ума и образованию.

– Если писатель – это не тот, кого издают, а образ мысли, то я – писатель. Я три книги написала. Ни одну из них, конечно же, не одобрили, но я не сдаюсь. Одна рукопись даже вошла в лонг-лист премии «Дебют».

– Классно! Давай попробуем создать книгу!

– У меня даже есть диктофон. Завтра и начнём записывать твои признания.

– Я только пятый раз на заказ ездил, это ничего?

– То ли ещё будет! Лучшее впереди!

Так мы с Денисом стали командой. Командой по осуществлению наших замыслов.

Взяла напрокат велосипед на ВДНХ – двести рублей за час. И именно на час была диктофонная запись нашего первого с Денисом интервью. Проезжая мимо помпезных фонтанов, я слушала его историю снова.

– Когда ты понял, что... любишь мужчин?

– Довольно рано. Мне было лет одиннадцать. Осознание накрывает тебя совершенно неожиданно. Я понял, что со мной что-то не так. Мне начали сниться странные сны. Эротические. Только, в отличие от сверстников, которые любили рассказывать о своих порно-фантазиях с взрослыми знакомыми женщинами, я видел в своих снах мужчин. Сначала мне казалось, что это какая-то ошибка, недоразумение, казус. Я пытался с собой бороться. Я смотрел традиционное порно. И меня не оставляло ощущение, что это не для меня, что это не моя история. И со временем я принял себя таким, какой есть. Перестал испытывать чувство вины.

На ВДНХ крайне много людей. Я словно попала в муравейник. В муравейник, где катаются на сигвеях, самокатах,

велосипедах, и где продают питьевую воду по сто рублей за бутылку. Я изнываю от жажды, но мне жалко переплачивать почти в два раза. Я лучше умру от обезвоживания, чем потрачу сотку на обычную питьевую воду. Я ведь не буржуй какой-то! Такое ощущение, что чистая вода скоро станет привилегией исключительно толстосумов.

– Посторонись! – кричу я девушке, вписываясь в узкий поворот.

Девушка не обращает на мой возглас внимания и в результате роняет свой молочный коктейль, в котором дневная норма калорий, на асфальт.

– Извините, извините, – говорю я и сильнее давлю на педали, а то вдруг она предъявит претензии.

– Твой первый секс с мужчиной, – звучит в наушниках.

– Мне было шестнадцать. Мы с мамой и двоюродной сестрой поехали в Краснодар, в гости. В блинной возле дома наших родственников работал один манерный официант, и я каким-то шестым чувством понял, что он гей. Мы начали с ним переглядываться. И однажды, когда мы с мамой и сестрой уже уходили, я сказал им, что забыл чехол от телефона в кафе, и затем, молча, просто написал официанту свой номер телефона. Вечером мы встретились. Погуляли минут пятнадцать, а затем он отсосал мне в ближайшем подъезде. Но встретиться снова нам так и не удалось, так как его парень прочитал нашу переписку.

Впереди меня, не спеша, идут двое людей и не думают

расступаться. Навстречу несётся мальчик на красном трёхколесном велосипеде.

– Мальчик, куда же ты едешь?!

Я резко торможу и вскоре оказываюсь на газоне. Чувствую правой щекой соприкосновение с травой.

– Всё в порядке, всё в порядке, – успокаиваю я родителей мальчика, которого совсем не волнует, что он чуть не попал под колёса велосипеда какой-то тёти.

Продолжаю поездку с препятствиями. «А кому в этой жизни легко?» – успокаиваю себя я, маневрируя между пешеходными дорожками.

– В большом городе я смог... развернуться. Прямо в специальном приложении находил себе партнёров. Я один раз в трамвае увидел человека из приложения. Мы через минуту познакомились. Вот так просто! На «раз, два»! А в обычной жизни мне было вовсе не так легко знакомиться с людьми. Я ж, как большинство гомосексуалистов, был закомплексованным до жути, порой общался с собственной тенью, и это не шутка. Но как только в моей жизни появились мужчины-половые партнёры, всё как-то само собой наладилось в моей личности. Потому что всё стало понятным, всё стало на свои места.

– А твоя мама знает?

– Да. Я один раз решил таким образом отвлечь её внимание от другого моего косяка. Я перестал ходить на лекции, ей сообщили, она была очень зла. И тут я такой: «Мама, я

– гей». Она поначалу была в шоке, но сейчас лояльно относится. Она даже знакома с несколькими моими бывшими. И с Артуром, бортпроводником, тоже.

– Что за банальная гейская история! Треша, треша давай!

– Ты Палаником, что ли, хочешь стать? С Артуром мы тоже познакомились в Краснодаре. Я был у него первым. Потом переехали с ним в Москву. Он очень меня любил. Но я, как обычно, накосячил. Мы пригласили в гости двух бортпроводников, как оказалось, из пяти бортпроводников в их экипаже три – гомосексуалисты. Я напился, и мы с Гришей на балконе начали сосаться. Артур сделал вид, что ему всё равно, и ушёл на кухню пить виски. Семён пошёл за добавкой. И мы с Гришей успели за это время сделать все свои дела.

– Денис – божий одуванчик, паинька, замечательный человек, наш тихоня и ... шлюх. Айяяй.

– В тихом омуте черти водятся.

– И что дальше было?

– Мы с Артуром какое-то время ещё снимали квартиру вместе, но потом всё-таки расстались. Но сейчас снова общаемся, виделись с ним недавно.

– Да, да, пили испанское вино, которое он провёз через границу. Такое ощущение, что гейскую мелодраму смотрим. Треша, треша давай!

– Если у меня сегодня не будет заказов, то с трешем напряжёнка. О, сегодня вызывает кавказец, который женат и у

которого есть дочь. Пишет, раз в неделю я ему просто жизненно необходим. Хоть в душ нормальный схожу. И еды человеческой поем, а не вермишель быстрого приготовления.

– Ах ты, сучка!

– Так, полегче на поворотах, я тебя тоже кормлю, кстати.

– Работаю за еду. И не самую лучшую, нужно отметить. А как ты познакомился со своим агентом?

– В хостеле на Тверской. Он как-то быстро меня вычислил и... завербовал.

– Да, кого только в этих хостелах ни встретишь!

– На самом деле просто очень были нужны деньги. Пришлось для этого подставить некоторые части своего тела. И это даже не доставляет мне удовольствия. Просто механические действия. Работа как работа. И не всегда встречи заканчиваются сексом. Один мужик сказал, что я похож на его сына, и мы просто два часа разговаривали: деньги за потраченное время он мне, конечно же, заплатил. А другой мужик кончил через пятнадцать минут, и я успел сходить в солярий.

Смотрю на часы и понимаю, что если не верну через пять минут велосипед, мне придётся платить ещё за час. Убыстряюсь. Появляюсь перед администратором пункта проката как загнанная лошадь, но вовремя. Он отдаёт мой изрядно потрёпанный паспорт. Представляю себя победителем марафона и что мой паспорт – мой победный трофей. Лестница – пьедестал, кепка – оливковый венок.

Хороший сон – это невиданная роскошь, когда живёшь в хостеле.

Я закрылась занавеской в своей кровати, в «Дане-лия» была такая опция, и представила, что нахожусь в космической капсуле. Но в комнату зашёл пьяный «в зюю» Витя и начал нести какую-то чушь возле моей кровати:

– Думаешь, ты такая вся продвинутая, думаешь, что все здесь хуже тебя. Тут нормальные ребята, которые решают реальные проблемы. Они мне все как семья.

«Да хоть как мама с папой, я хочу спать. Почему я должна слушать это перед сном?! На колыбельную не похоже», – возмущалась я, но не подавала голос. Витя был совсем «вдработан», на следующий день он ничего и не вспомнит. Было бессмысленно предъявлять ему претензии. Я сохраняла спокойствие и упорно не открывала глаза.

Вскоре слышу, что в соседней комнате с большим апломбом рыгает парень, который на Арбате фотографирует с розовыми голубями. Я и не представляла, что можно издавать настолько громкие звуки, когда тебя тошнит. Это продолжалось минут двадцать. Просматриваю ленту в инстаграм. В комнате с другой стороны начинает ругаться семейная пара. Он сегодня уделял слишком много внимания нашей официантке в ресторане здорового питания, а у жены ПМС и желание проораться.

– Вот на каждую юбку заришься! Будто у тебя с каждой есть шансы, Винни Пух!

– Кто бы говорил! Да, кроме меня, ты никому вообще не нужна. Лимитчица хренова!

– А ты, можно подумать, коренной москвич!

– По крайней мере, не выгляжу так, будто меня только что с цепи сняли.

Смотрю на часы – второй час. Накрываю голову подушкой. «Я всего лишь хочу поспать! Неужели я так много прошу?! Сон, он, блин, всем нужен. Или они все вампиры в этом хостеле, и у них круглосуточный режим?! Спать – это так прекрасно. Наверное, это лучшее, что может случиться с человеком! Сон – это что-то недостижимое, мерцающее подобное свету в конце туннеля. Сон – это лучший подарок, которому даже не нужна оберточная бумага. Сон – это лучше пирожных. Когда-нибудь, может быть, через год, а, может быть, через десять, я обязательно выплусь, мы обязательно со сном встретимся. Я верю, я надеюсь. Сон – моя судьба, он неизбежен. Мой любимый и сладкий сон!» – страдала я.

Вскоре получаю смс от Калашникова: «Ты спишь? Выйди, поговорим!» Не отвечаю. Через несколько секунд кто-то отодвигает мою шторку.

– Калашников, ты меня напугал! Что такое?!

– Пошли покурим!

Он пьяный, с ним лучше не спорить, идём курить.

– А у тебя есть кто-нибудь? В смысле, парень.

– Ты мне себя решил предложить среди ночи?

– Я пьяный, мне нужно срочно потрахаться.

– Илья, иди в жопу! Если я тебя добавила в соцсети, это не значит, что буду с тобой спать. Запомни! «Добавить в друзья» – не синоним «потрахаться».

– Какая противная! Я к тебе со всей душой.

– Я думаю, твой тонкой и ранимой душе пора проспать и протрезветь. И почему, когда я собираюсь поспать, происходит какая-то неведомая хрень?!

– У тебя плохая аура. Готов поделиться своей! Моя аура положительная.

– Я ценю это. Но мне просто нужно поспать. Сон – это круче секса.

– Ладно, в нашей комнате до утра точно никого не будет. Валяй! Спи! Козырное место у окна – твоё.

– Серьезно? Это так мило! Спасибо, Илья. Я всегда знала, что ты – хороший человек, только тщательно скрываешь это. А теперь спать!!! Свобода!

В дальней комнате мне действительно удалось уснуть. Мне снились мимишные котята.

Утром Стас устроил «разбор полётов», даже выселил несколько дебоширов. На несколько дней в хостеле воцарился покой.

В Москве определённо есть деньги, но меня окружают люди, которые или проходят испытательный срок, и им нужно дожить до того момента, когда начнут платить нормальную зарплату, или собираются ехать преподавателем английско-

го в Пекин, как Илья, и им нужно дождаться приглашения, или просто перебиваются с хлеба на мясо. Недавно к нам с Денисом и Димой, симпатичный мальчик из Саратова, который просто зависал месяц в хостеле, подошёл цыганёнок и попросил «хотя бы полтинник». Мы засмеялись и сказали: «Нам бы такие деньги!» И у нас на троих действительно было не более трёхсот рублей.

Но у Дениса скоро пошли заказы. Он мог пропадать по три дня, а потом заявлялся и подкармливал меня красной икрой и шоколадом. Он неизменно был в кардигане цвета крем-брюле и с красиво уложенными волосами. У него всегда была с собой пачка сигарил. А я на пару с одной девчонкой торговала зеленью возле супермаркета. В день я зарабатывала рублей пятьсот, и триста из них уходили на хостел, а остальные на еду. «Да, похоже, нормальная работа в этом хостеле только у Дениса. Большинство из парней в нашей «общаге» мечтают занять его место. Они, конечно же, не знают, на какой контингент он работает. Но, уверена, некоторые из них согласились бы сменить ориентацию, лишь бы получать каждый день по пять-десять тысяч. Да, время, когда в Москве можно было заработать, безвозвратно прошло. Цены подняли, зарплаты понизили. Теперь в Москве можно только выживать».

– Ну как, торговля идёт? – спросил Денис, выходя из супермаркета и подкуривая очередную сигариллу.

Я уже не смущалась того, что торгую овощами на улице.

В какие-то моменты это было даже весело. Каждый день городские сумасшедшие развлекали меня бесплатными представлениями. Один рассказывал, как разорился. Другой рассказывал, как удачно выйти замуж, но при этом курил рядом со мной «Яву» и гремел бутылками «Охоты крепкой». Так же ко мне часто подходили постояльцы нашего хостела, мы болтали, и они часто тоже что-нибудь покупали. «Да, что-то уже не так весело! Раньше в хостеле словно был вечный праздник! Эйфория как-то быстро прошла», – досадовала я.

– Торговля идёт. Всё по двадцать! Кенза, петрушка, укроп, лук. Дешевле в Москве зелень не найдешь!

– Меня интересует другая зелень.

– Я в курсе. Как прошёл заказ?

– Неплохо. Представляешь, это был фсбешник. Я поражаясь, сколько вокруг лицемерных людей! Кавказец, который тайком от жены, ходит не налево, а в чужую задницу. Фсбешник, который, наверняка, рядом с друзьями высмеивает геев, строит из себя альфа-самца, а вечерами заказывает мальчиков вместо пиццы. Враньё, кругом сплошное враньё. Я чуть не споткнулся о какой-то автомат в доме этого фсбешника, это брутального самца, видел фотки его красавицы-жены, а потом полчаса долбил его в задницу. Он никогда не признается жене, что он балуется мальчиками. Он, наверное, даже самому себе не признается, что он – гей, вроде как – пару раз не пидарас.

– Мне кажется, в России попросту игнорируют существо-

вание гомосексуалистов. Это как супруга, которая предпочитает закрывать глаза на измены мужа. Неведение – спасение и спокойствие.

– У нас даже ни одна звезда не делала каминг-аут. Попросту понимают, что их альбомы после этого сожгут на Красной Площади. А я хотел бы, чтобы у нас в стране научились действительно правильно к этому относиться. Чтобы у нас в стране можно было не врать и не лицемерить по поводу своей...

– По чём петрушка? – интересуется старушка с болоньевой котомкой в руках.

– Всё по двадцать! Дешевле не найдёте!

Старушка старательно выбирает пучок укропа. Осматривает практически всё, что есть в наличие. В конце концов, она берёт тот, что перебирала первым и медленно уходит.

– Мы с Артуром хотели пожениться в Эстонии. Но поняли, что наши друзья не осият такое путешествие. Да и потом поссорились. В общем, Эстония – это ближайшая страна, где возможны однополые браки.

– Я, кстати, хочу познакомиться с Артуром, твоим бортпроводником. Мне нужна ещё одна точка зрения.

– Артур – очень замкнутый человек. Не думаю, что он согласится на встречу. И тебе не понравится эта «среда». Не все геи – такие пусечки, как я.

– А он красивый?

– Нет, определённо. Но высокий, метр девяносто.

– Ладно, я добавлю его в друзья. Попробую договориться о встрече.

– Дерзай! Лад, мне пора на заказ. А вечером я встречаюсь с Артуром. Я по нему прям соскучился.

– Удачи! Скажи Артуру, что сумасшедшая девочка из Волгоградской области хочет с ним познакомиться!

– Постараюсь что-нибудь придумать.

Я продолжаю торговать. Дело идёт к вечеру: народу становится всё меньше. У меня в ассортименте осталось лишь несколько увядших пучков кензы. Я уже задумываюсь, как бы превратиться в пучок кензы, чтобы увянуть побыстрее и прекратить это мучение под названием «моя жизнь». Вот-вот Москва выбросит меня на обочину жизни, как я в конце дня выброшу на помойку оставшуюся зелень.

– По чём кенза?

– По двадцать! Дешевле в Москве не найдёте!

– Вот что за фигнёй вы, девушка, занимаетесь?! – говорит солидного вида мужичок. – Это же незаконная торговля, полиция может забрать и товар, и выручку.

– А что делать? Москва она такая.

– А вы кто по образованию?

– Журналист.

Мужичок достаёт удостоверение Союза журналистов России. «Тоже мне удивил! Вот если бы достал меч джедая, вот это бы был аттракцион! – бучрчала про себя я. – А то удостоверение Союза журналистов России! Тоже мне».

– Что-то вы в этой жизни делаете не так.

– Да уж, хотелось бы знать, что именно.

– Вот моя покойная жена, дважды доктор наук, известная поэтесса, говорила: «Не так трудно пройти путь, как найти правильную дорогу». Ищите!

– Легко сказать.

– А вы сами пишете что-нибудь?

– Всё. Стихи, прозу, эссе и даже, кажется, пьесу недавно написала.

– А вы попробуйте отредактировать хоть что-нибудь из этого.

– Знаете, вы правы, вот с редактурой у меня проблемы.

– Пришлите мне что-нибудь на электронную почту. Интересно же почитать!

Обмениваемся с ним координатами. Вручаю ему пучок кензы. Он даёт мне тысячу рублей.

– Да что вы!

– Берите, берите! Вам нужнее.

Быстро уходит. По крайней мере, сегодня у меня определено есть, чем заплатить за хостел. Вот такая Москва: здесь тебе могут просто так дать тысячу рублей, но не работу по призванию и умениям. Я раздумываю, как лучше потратить тысячу рублей чаевых. Подъём на Останкинскую телебашню стоит, как раз, тысячу. Я сворачиваю «лавочку», быстро скидываю «багаж» в хостеле и иду к этому символу успеха и процветания – телебашне.

Не так просто зайти на Останкинскую телебашню даже с тысячей рублей, как может показаться на первый взгляд. Приходится пройти досмотр более тщательный, чем в аэропорте. Вынимаю всё из карманов, выворачиваю свой рюкзак наизнанку, также меня просвечивают на рентгене. Даже на последний сеанс оказывается огромная очередь. Где-то полчаса жду своего грандиозного подъёма. Наконец лифтерша, которая похожа на робота сферы обслуживания, всё время натянуто улыбается, у неё не выбивается ни одна волосинка из кули на голове, идеальный малозаметный макияж, нажимает кнопку «337», что означает «смотровая площадка». Лифт едет со скоростью семь метров в секунду, и мы все чувствуем себя как на взлетной полосе. У меня даже начинает закладывать уши.

Дверь открывается, и вот – лучший вид в городе. Город словно у тебя на ладони. Я словно вижу игрушечные Звездный бульвар и гостиницу «Космос». Мне кажется, будто я могу взять деревья пальцами и переставить их в другое место. Облака прямо напротив меня – стоит лишь протянуть руку. Под ногами стеклянный пол, и я вижу под собой пропасть. «Интересно, покорю я эту столицу или нет?» – задаю себе вопрос. Затем беру в бистро стакан чая и полчаса сижу смотрю на панораму. Кафе вращается, мне даже не нужно передвигаться, чтобы сменить вид.

Этим утром я сидела на кухне, завтракала икрой мойвы,

которая осталась от вчерашнего ужина Дениса. Рядом оказался симпатичный француз, у которого задержали рейс, и он застрял на несколько дней в Москве. Брюнет с карими глазами, чем-то похож на цыгана: хотя чистокровных французов не так много, в основном, иранские и сенегальские эмигранты везде оставили свой след. Жан, поедая виноград, рассказывает о своей любви к русской культуре и литературе, в частности.

– СтанИславский – отец театральной актёрской школы.

– СтанислАвский, – учу француза произносить фамилию Константина Сергеевича правильно.

– СтаниславскИй.

– СтанислАвский. Ударение на «а». Ты всё равно хорошо говоришь по-русски.

– Учил русский язык в Волгоградском государственном университете.

Я реагирую без удивления на то, что он называет мой родной университет. За месяц в хостеле я уже успела встретить студентку этого вуза, которая защищала диплом у моего научного руководителя. Так же в хостеле жила ещё одна моя землячка. Мир очень тесен, особенно когда речь идёт о дешёвых хостелах.

– Я окончила этот университет.

– О! Невероятно!

– Ты видел Родину-мать?

– Родину-мать?! – недоумевает Жан.

– Мамаев курган.

– Да, конечно! Это эпично.

– Родина-мать – сама скульптура, женщина с мечом. 85 метров в высоту! Самая высокая скульптура в мире!

– Правда?

– Статуя свободы выше, но она на постаменте. Сама скульптура меньше.

Показываю Жану сборник стихотворений Артюра Рембо на русском языке. У меня всегда с собой творения Артюра Рембо, они что-то вроде моего талисмана. Если есть в кармане сборник стихотворений одного из «проклятых поэтов», значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день. Почитаешь о его страданиях, посмотришь, что у него в голове творилось, и твои проблемы кажутся ничтожными. Ты просто счастлив по сравнению с ним!

– Он очень важен для французов, – поясняет Жан. – Он, как это по-русски... мессия! Он очень крут.

– Гений, что тут скажешь! В России так относятся к Есенину, как вы к Артюру Рембо.

– У вас слишком много хороших поэтов, а у нас Артюр Рембо практически один. Скорее, как вы к Пушкину, мы к нему относимся.

На кухню заходит Илья и без спроса берёт виноград Жана. Француз выглядит крайне растерянным, не понимает, как себя вести. Ничего не может противопоставить русскому хамству.

– Как сказать ему «Пока! Счастливого пути!»

– Он хорошо говорит по-русски.

– А я хочу сказать по-французски!

– Au revoir! Bon voyage! – отвечаю я Илье.

Этому человеку трудно сказать «нет». Он умеет поставить вопрос в утвердительной форме. Вскоре к холодильнику подходит Катя, местная «легенда». В том смысле, что по легенде, с ней спал каждый парень в хостеле. Следом за ней на кухню врывается Самвел, наш местный «горячий кавказец».

– Ты меня бросаешь?! Бесстыжая ты! Да что б у него никогда не стоял!

Катя упорно молчит, игнорирует Самвела.

– Знаешь, что я тебе скажу. Я ебал не женщину, я ебал козу. Коза ты! Беее.

Мы с Ильей начинаем просто покатываться со смеху. Он падает на диван и крепко держится за живот, я заваливаюсь на спинку кресла и утираю слёзы. Наша истерика длится несколько минут. Катя быстро уходит, Самвел бежит за ней, Жан недоуменно смотрит на всё происходящее.

– Я ничего не понял! Он назвал её козой?

– Как-то так! Добро пожаловать в Россию, Жан! И тебе повезло, что завтра утром ты из неё уезжаешь.

– Весело у вас тут!

– Не то слово! Пришли открытку из Лиона.

– Без проблем.

Наш истерический смех прерывает Денис, возникший словно из голливудского фильма: у него снова идеально уложены волосы, у него зубы белее листа формата А4, на нём теперь синий кардиган без пуговиц, почти такой же, как был на Дмитрие Нагиеве в очередном шоу.

– Чего ржём?

– Считаю коз, – комментирует Илья и снова берёт виноград у француза.

– Так ты идёшь со мной и моей бывшей в ресторан?

– Под рестораном ты подразумеваешь «Burger King»? – уточняю я.

– Ага.

Илья протягивает мне свою скидочную карту в этот фаст-фуд.

– Сто рублей скидка.

– Это просто бешеные деньги! Илья, ты – хороший человек!

Я бегу в комнату, чтобы надеть бомбер и взять рюкзак. Я в предвкушении вечера с двумя геями. Не знаю, что обычно движет в жизни людьми, но мной определенно движет любопытство. Мне всё интересно, обо всём хочется узнать. Столько всего интересного вокруг! Особенно в Москве.

Денис говорил, что Артур не красив, но это было определенно не так. «Артур высок, статен, у него глаза, как у оленёнка Бэмби. И почему же он в представлении Дениса не

красив?» – недоумевала я. Может быть, Денис ревнив, и он не хотел вызвать у меня хоть малейший интерес к Артуру? Вряд ли. Вот кто-кто, а Денис, напротив, никогда не сомневается в себе.

Артуру было страшно неловко в моём присутствии. Складывалось впечатление, что он стыдится самого себя. Он знал, что я знаю о его сексуальной ориентации, и сильно стеснялся этого. Этот человек под два метра роста боялся, что окружающие его не поймут, не примут таким, какой он есть. Артур был не просто скромным, он был застенчивым и замкнутым. Он словно сторонился людей, старался с ними «не связываться». Артур был на четыре года старше Дениса, но выглядело всё с точностью до наоборот.

Когда он отошёл в туалет, Денис сказал:

– Он очень ранимый и впечатлительный. Полегче с ним!

– Я и так с ним обращаюсь, как с хрустальной вазой.

– Я был у него первым. И по его словам, пока единственным. Ему очень тяжело далось это... самоопределение. Он будто сам себя ненавидит за то, что любит мужчину.

– Так ты его соблазнил, змей-искуситель?

– Я был инициатором.

Когда Артур вернулся, я задала им обоим один вопрос:

– Как вы познакомились?

– Он написал мне: «Привет! Как дела?» Денис всегда каким-то шестым чувством понимал, кто гей, а кто не гей. Мы договорились встретиться, погулять. С тех пор мы надолго

не расставались. Два года уже.

– Он действительно у тебя первый?

Артур сделал глоток колы и чуть не поперхнулся. Затем он покраснел как кусок помидора на его бургере.

– Да. А вообще он сволочь! Каждый раз жалеешь, когда доверяешься ему. Иногда мне кажется, что ему доставляет удовольствие делать мне больно.

– Что ты такое говоришь?! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Дальше Денис начинает оправдываться. Отношения геев, в принципе, ничем не отличаются от отношений обычных пар. Кто-то обманывает, кто-то разрешает себя обманывать. Кто-то – лидер, а кто-то – ведомый. Все люди одинаковы. Все они совершают ошибки и не исправляют их. В каждом из нас есть какой-то изъян. Все мы в чём-то странные, чудные, не такие, как все. И никто не давал нам права осуждать кого-то за его цвет кожи или сексуальную ориентацию. Мы ничем не лучше их, а в чём-то даже хуже. И куда большее презрение вызывают люди, которые с этим не согласны.

– Так про что будет книга? – интересуется Артур.

«Про похождения твоего благоверного», – мысленно отвечаю я.

– «Инструкция по толерантности для чайников».

– А почему ты так лояльна по отношению к нам?

– Мой любимый поэт – Артур Рембо.

– А, понятно. А любимый писатель случайно не Оскар

Уайльд?

– Нет. Паланик. Но он тоже ...

– Да, похоже, натуралы не очень талантливы.

– Артур, но-но, не принижай творческие способности традиционных. Они тоже на многое способны, – комментирую я.

Затем следует фотосет в бумажных коронах. И я про себя размышляю: «Король – своей жизни, король – мира». Но как научиться контролировать свои эмоции?! И как понять, что именно я делаю не так? А, может, я всё делаю так, как нужно, но просто моё время ещё не пришло? И в этот момент я чувствую себя не такой, как все. В том смысле, что я совершенно не приспособлена к жизни в социальной системе, совершенно не подходящий человек для прохождения конкурсов на открытые вакансии, я не умею подхалимничать, я не умею врать, в принципе. Наверное, поэтому рядом с этими двумя парнями я почувствовала себя более свободно или даже уютно. Ты – изгой, но ты такой не один, если перефразировать строчку из песни Джона Леннона.

В Москве не успеешь опомниться, как ты уже прошёл десять километров. Поэтому приезжие здесь быстро худеют. Едят меньше и менее качественно, ходят больше. Фастфуд вроде бургеров и гамбургеров – это невиданная роскошь. Только вермишель быстрого приготовления, только паштет из говяжьих костей, только хардкор.

Вот так и в жизни, не успеешь опомниться, как тебе уже двадцать девять, и ты уже не перспективный и амбициозный, а полный неудачник. Этот возраст настигает тебя незаметно, и осознание своего ничтожества тоже. Постепенно, не спеша, ласково и нежно заволакивает прозрачной дымкой. И то, что раньше казалось «снисхождением судьбы», теперь, когда и этого уже нет, предстаёт чем-то прекрасным и недостижимым.

Сделав круг в пятнадцать километров, я нашла стендап-клуб «First», Мекку всех комиков нашей страны. Я отдышалась и попила водички. Август был на редкость жарким.

В уютном стильном зале сидели несколько парней странной наружности: один был похож на ребёнка, другой – на тринадцатилетнюю лесбиянку, третий – на фонарный столб. Я со своим ростом весьма вписывалась в интерьер.

– Как тебя записать? – спросил молодой армянин в футболке с изображением лейбла известной марки виски.

– Мария Давыденко.

– Давыденко, как теннисист Николай Давыденко?

– Да, и Мария, как Мария Шарапова.

– Какое теннисное имя!

На «открытый микрофон» зрителей пришло человек десять. «Что я здесь делаю? – сразу засомневалась я, – Им всем, и участникам и зрителям, не больше двадцати пяти. В моём возрасте поздновато становится на старт. Возможно, ко-

гда-то у меня ещё был запал, жажда выступлений и стремление всех рассмешить, но теперь нет. Сейчас мне больше хочется денег, самоутверждения и покоя».

– Привет! Меня зовут Маша. Подходит ко мне недавно парень. Ну как парень, лет девять ему, – начинаю я свой монолог, – и говорит: «Дай закурить!» А я ему: «Лет через десять». А что, сигареты сейчас дорогие стали. Всё подорожало из-за санкций! Раньше лимон выходил на одиннадцать рублей, а сейчас на сорок. Я своей подруге на день рождения подарила пол лимона и написала: «Скоро пол лимона будут стоить пол лимона». Она не поняла юмора. Удалила меня из всех соцсетей. Странный человек, да?

Я слышу слабые аплодисменты. У меня такое ощущение, что я разговариваю сама с собой.

– У меня было большое будущее в баскетболе.

Эта шутка всегда срывает. Я её декламирую уже лет пять.

– А потом мой тренер понял, что я больше не вырасту, и я пошла на шахматы. Но каждый раз, когда проигрывала, была шахматной доской по башке соперника. Тогда я решила, что спорт – это не моё. Подумала, что, может быть, отношения это моё. Но когда от меня ушёл третий персидский кот, я поняла, что и отношения – это не моё.

Слышу что-то, напоминающее смех.

– Я из города Калач-на-Дону. И в нашем городе есть все условия, чтобы спиться.

Снова смех. Зрители понемногу раскрепощаются.

– У нас птицы, когда на юг улетают, они обратно не возвращаются. Они просто думают: «А хули там делать, вообще!»

Этой шутке тоже лет пять. Я уже не могу сосчитать, сколько раз произносила её на кастингах и «открытых микрофонах».

– Недавно один парень назвал меня шлюхой. И знаете почему? Потому что я с ним не переспала. После этого что-то говорят о женской логике? Ещё скажу вам, что не очень красивым девушкам приходится самим снимать парней. Это пикап по-женски. Если вы видите страшенькую девушку и с ней красивый парень, знайте, она – пикапер по-женски. Она потратила несколько лет своей жизни, чтобы он заметил её богатый внутренний мир.

Выступление набирает обороты.

– А сейчас я расскажу вам кратенькую историю великой любви. Мне было десять, а он был на пиратской кассете «Титаник». В 98-ом Лео не пришёл на церемонию «Оскар», меня там тоже не было. Так мы не встретились в первый раз. В 2013-ом Лео был на Каннском кинофестивале, а я была на фестивале пива в Кемерово. Там мы не встретились второй раз. В общем, эту историю можно продолжать бесконечно. Знаете, я всегда плачу, особенно, когда смотрю «Джанго Освобожденного». Ну когда Лео убивают. Просто рефлекс после «Титаника» остался.

И какой раз я декламирую эту шутку?! Раз двухсотый? И она так ни разу не прозвучала по телеку. Зато на сайте Безнадёга.ru. она востребована.

– Я пытаюсь самообразовываться. Вот недавно прочла книгу Лао Цзы – Дао дэ цзин. Хотя вам и первые два слова ничего не сказали. И что я могу вам сказать с высоты прочтения этой книги? Я ни хрена не поняла эту книгу. Но моё непонимание – не есть тупость, а отрицание.

Гомерический хохот. Будто я пошутила про вагину или менопаузу, или сказала слово на букву «х».

– Нужен какой-то заключительный тезис. Секундочку.

Я вскарабкиваюсь на высоченный стул, который стоит рядом с микрофоном. Это снова вызывает смех.

– Большинство проблем взрослых людей происходят из-за того, что кто-то с кем-то переспал. Пока ты ни с кем не переспал, ты ничего не обещал. Пока ты ни с кем не переспал, никто не забеременел. Пока ты ни с кем не переспал, ты не изменил. В общем, семь раз подумайте прежде чем с кем-нибудь переспать.

Аплодисменты.

– Добавляйте меня в соцсетях. Там много фоток, где я одета. Всем лучи добра!

Парень, который недавно шутил, что у него на голове лобковые волосы (он – кудрявый), от удивления открыл рот. Молодой Армен отбил мне «пять».

– Неплохо, неплохо. Думаю, пацаны вы сегодня не полу-

чите подарочный сертификат от нашего спонсора.

Я получила подарочный сертификат на китайскую еду. Я вспомнила, как первый раз проходила кастинг на юмористическое шоу. Пять часов в очереди, неиссякаемый поток шуток про армян, мой маленький рост, московские пробки, и вот – в одиннадцатом часу вечера меня запустили к судьям. Один из них спрашивает: «Что у тебя в заднем кармане?» «Очки. Но зрение у меня отличное!» «Так зачем очки?» «А вдруг испортится» Они начинают хохотать, а я даже ещё не приступила к выступлению. Пятичасовая разминка в очереди пошла мне на пользу. Декламирую свои шутки:

– Принцесса Фиона мечтала выйти замуж за принца, а вышла за зелёного чувака, который пердит, купается в грязи и общается с ослом. «Шрек». Самая реалистичная сказка. В каждом городе нашей страны.

Гомерический хохот. Я чувствовала себя королевой мира. Я была настолько уверена в себе, сомнения казались смешными. Будет эта девочка звездой или нет? Конечно же, будет, и очень скоро.

– У тебя нет нормальной работы? От тебя сбежала любимая девушка? Твой мозг ушёл за Клинским? Твоя репутация вынимает деньги из трусов стриптизёров? Дом-2! Мы ждём тебя!

– А ты проходила кастинг на «Дом-2»?

– Вы шутите, да? С моим то ростом! Продолжаю. Я жру как свинья, пью как лошадь, сплю как сурок, но зато чув-

ствую себя человеком. Проснулся, пососал, снова заснул. Проснулся, пососал, снова заснул. Январский дневник бурого медведя.

– А для чего всё-таки очки?

Достаю из заднего кармана футляр с очкам, изображаю Михаила Жванецкого. Весь их персонал садится с кофе и сигаретами на пол. Веселю всех ещё минут двадцать. Я словно на своём концерте, словно поймала высокую волну.

– Вы нас, конечно, просто очаровали. Вы, безусловно, проходите.

«Ути, кто это такой талантливый! Кто это такой харизматичный! Кто это звезда? Кто молодец? Я – молодец! Кто молодец? Я – молодец», – хвалю сама себя. Я выхожу с площадки в коридор, и все оставшиеся участники кастинга начинают мне аплодировать. Стены в том здании были такими тонкими, что все всё слышали, от первого до последнего слова. Я полна энтузиазма, позитива, оптимизма, предвкушения успеха. Я на диком подъёме. «Мастер импровизации!» – хвалю себя снова. Ни капли не сомневаюсь в себе... Это было почти пять лет назад. С тех пор многое изменилось. И что теперь? Страх, ненависть, разочарование, апатия. Где та звезда? Где та девушка, которая каждый свой недостаток превращала в достоинство? А её больше нет. Нет больше вечного веселья, неиссякаемого потока юмора, уверенности в себе. Она словно испарилась. Одна неудача вывела её из колеи на долгие годы. И теперь ощущение какого-то

тупика и безысходности. Будто она больше ни на что не способна, будто впереди у неё абсолютно ничего – только мрак. Во время съёмок шоу я дико нервничала. Я вышла двадцатой и передо мной двадцать человек пробыли на сцене меньше минуты. Их скидывали под сцену. Меня же мучили минут двадцать. В тот день, видимо, всё было против меня, а, может быть, чувствовала, что это не то, чем я хочу заниматься. Всё-таки я не прошла во второй тур, не стала комедийной звездой, не стала мелькать по телевидению. Пять минут славы и телевизионного эфира, вот всё что я тогда получила. Когда вышел выпуск, в моём маленьком городе все указывали на меня пальцем и говорили, что вот она – та девочка с телека. Я должна была радоваться излишнему вниманию, но отлично понимала, что облажалась, что не справилась с психологическим давлением одного из членов жюри. Мне хотелось забиться в угол и больше никогда не высываться на улицу. Моё самолюбие было уязвлено, мои иллюзии о моей артистичности разрушены.

А через несколько дней после выступления в «First» меня скинули со сцены по время гонг-шоу, и я навсегда завязала со стендапом. Взлёты и падения, взлёты и падения. Только падений в какой-то момент становится всё больше. И только истинная вера в то, что ты делаешь, способна заставить тебя продолжать. У меня же её в отношении стендапа не было. Я поняла, что несколько лет, которые потратила на кастинги, стендап-вечеринки, сочинение шуток, не оправдались. Я по-

няла, что пора остановиться, поняла, что мне это больше не интересно. И было очень больно. Словно меня бросили через несколько лет отношений с тремя детьми. «Юмора больше нет», – с сожалением сказала я себе. Я отпустила свою мечту. Лети, лети, мечта, на все четыре стороны!

К Денису в гости, в Москву, приехала его первая любовь – парень по имени Арсений. Я, как «сторонница» Артура, внутренне негодовала, когда Денис снял номер в ближайшей гостинице, чтобы побыть со своим «дебютным».

Посмотрев Красную Площадь и Останкинский пруд, Арсений загорелся идеей посетить модный гей-клуб. Денис, решив, что ему в таком случае потребуется «моральная поддержка», убедил меня с Артуром составить им компанию.

И такой странной компанией мы на метро добрались до пафосного клуба. На входе стояли различные парни в узких штанах и розовых майках со стразами. Мне стало неловко от того, что на мне тоже была розовая футболка – с улыбающимся гепардом. И я никогда, никогда, подчёркиваю, никогда не проходила фейс-контроль в более-менее приличные заведения. Бесплатно в клубы запускают только красивых высоких девушек. Я боялась, что меня ожидает очередная минута позора. Но охранник без проблем указал мне на вход. «Я люблю геев! Если меня пускают в их клубы, я их люблю!»

В центре зала стояла барная стойка, которая напоминала железный трон из «Игры престолов», только была украше-

на фаллоимитаторами, а не мечами. Денис со своими парнями пошёл танцевать, а я осталась возле этой экстравагантной барной стойки. С трудом взобралась на высоченный стул.

– Что будете пить? – спросил симпатичный парень в красной жилетке на голое тело.

– А воду с лимоном и мятой можно за счёт заведения?

– Без проблем.

– А ты же натурал. Что ты здесь делаешь?

Парень сразу засмутился и чуть не уронил блендер для коктейлей. И только сейчас я заметила, что бармен – азиат с голубыми глазами. «Скоро совсем не останется чистых африканцев и азиатов! Все смешиваются!» – возмущалась я.

– Так заметно?

– Ага. Ты взбалтываешь коктейли чисто механически, без пижонства.

Да ничего я не заметила! Просто воспользовалась методом Калашникова – предположи что-нибудь вслух и, вполне возможно, окажешься прав. Главное – сказать это уверенно. Тогда все сразу во всём сознаются.

– Просто у меня гражданство Казахстана. В другие клубы меня не берут.

«Геи всем раскроют свои объятя!»

– Ты тоже вроде не гей, что ты здесь забыла?

– Пришла с друзьями.

– Это вот с тем любовным треугольником?

– Да.

- Ууу, у них всегда всё плохо заканчивается.
- А, может, они будут жить долго и счастливо.
- Вряд ли. Видишь того мужика?
- Тот который похож на божьего бомжа?

Я взглядом указала на среднего роста мужчину в красном полупальто. Его каштановые волосы были в «творческом беспорядке», а глаза напоминали сваренные пельмени, из которых вывалились мясные шарики.

– Он в Интернете нашел себе семнадцатилетнего парня из Саратова, потом заразил его СПИДом, а в завершение – продал его ноутбук.

– С ноутбуком – это совершеннейшая подлость!

– Он – гей самой тяжелой формы. Кроме того, что гей, ещё наркоман, игроман и шизофреник.

– Да?! А такие существуют? Я слышала, но никогда не видела.

– Ещё как существуют. Из-за таких, как он, все недолюбливают геев. А видишь вон того трансгендера?

– Киргизской наружности?

– Как угадала национальность?

– Я – фанат сериала про Шерлока.

Просто наугад сказала.

– Он или она... оно владеет хостелом в центре столицы. И он не пускает туда мусульман и своих земляков. Потому что мусульмане когда-то изнасиловали его ёршиком из туалета того хостела.

– Ты – просто ходячая энциклопедия московского гей-сообщества!

– Побудешь барменом пару месяцев, и не такое узнаешь и увидишь. Кстати, тот хостел самый дешевый в Москве. Могу дать адресок.

– Спасибо, не нужно.

– А видишь того мужика в пиджаке со стразами?

– И что с ним? Его муж-партнёр родил лысого кота?

– Нет. Он, на самом деле, натурал, просто следит здесь всё время за сыном своего шефа. Отец уже давно отказался от своего сына, но продолжает «наблюдать». И знаешь что, один раз я видел это принципиального отца с самым смазливый гомосексуалистом столицы. То есть он тоже заинтересовался мальчиками.

– А ты не пробовался редактором на шоу Малахова?

– Пробовался, но меня прокатили.

– Знакомо. Ничего, когда-нибудь повезёт.

Артуру надоело танцевать, и он присел на соседний стул. Я судорожно перебирала в голове возможные темы для разговора: Денис, любимые гейские позы для секса, фестиваль Evromusic. Остановилась на последней.

– Вы же долгое время общались в группе Evromusic?

– Да, с Арсением он там же познакомился. Все геи любят этот конкурс.

А я тоже каждый год смотрела этот песенный конкурс, где каждая страна отвешивала в финале очки другим в зави-

симости от ситуации на мировом валютном рынке и своей внешнеполитической ситуации. Да, артисты порой напоминали парад фриков, но зато утром на работе было что обсудить и над кем поглумиться, доказывая в очередной раз свою нормальность.

– У нас в группе в соцсети были лишь три натурала, которые случайно туда попали. Основной контингент конкурса – геи.

– Да вся страна смотрит! Мир, Европа.

– А мы не просто смотрим, мы – поклонники.

– И что вам так нравится в Evromusic?

– Там много странных людей выступает.

Артур обернулся, чтобы посмотреть на танцы своих друзей. Если честно, двигались они несуразно, сильно напоминая пингвинов из известного мультика. Денис даже одет был в черно-белое.

– Как ты думаешь, он меня любит? – неожиданно спросил меня Артур.

– Я – не лучший эксперт в любви, но одно могу сказать точно: ни о ком он не говорил с такой теплотой, как о тебе.

– И что он говорил?

– Что ты – очень добрый и отзывчивый. В общем, он очень хорошо к тебе относится.

– Как думаешь, он мне верен?

Я не люблю и не умею врать, потому что искренне считаю, что ложь – это корень любой проблемы. Всё зло начинается с

вранья, и часто со лжи самому себе. Сначала ты решил «солгать во благо», затем ты решил солгать ради выгоды, в итоге ты соврѣшь по привычке, пойдѣшь по «пути наименьшего сопротивления». Ложь – это и есть путь наименьшего сопротивления. На время она кажется лучшим выходом, а потом ты жалеешь о содеянном, подобно наркоману, который решил завязать, но сорвался. Всё самое плохое в этой жизни начинается с неё самой.

– Как сказать, в духовном плане, думаю, да. И у него в инстаграме есть фотка ваших читательских билетов в государственную библиотеку. Это очень ми-ми-ми.

– И не говори! Это круче штампа в паспорте.

– Несомненно. Скажи, в каких городах ты уже успел побывать?

– У меня были рейсы в Прагу, в Мадрид, в Лондон, в Скопье...

– Не продолжай! А то я лопну от зависти в гей-клубе. Представляю, что потом сообщат моей маме. Её разорвало от жажды путешествий рядом с барной стойкой, украшенной фаллосами.

Я впервые увидела, как Артур засмеялся. Он всегда выглядел «обременѣнным гнѣтом жизни», а сейчас это кислое выражение лица исчезло. Но через несколько секунд он снова загрустил.

– А ты была где-нибудь?

– Я была на Дне села в Комсомольском, на Шолоховской

весне в станице Вёшенской, на дне рождении Далая Ламы в Элисте, на байк-шоу в Калаче...

– Да ты просто лягушка-путешественница!

– Ещё я была в Таиланде.

– Бангкок?

– Пхукет.

– Там классно! Только очень много русских туристов!

– И не говори! Китайцы и русские заполнили тайские курорты.

– Какие пять фактов о Таиланде ты бы выделила? Ты ж писатель, должна всё подмечать.

– Попробую. Пять фактов о Таиланде. Первый. В Таиланде безумно много мотоциклистов, и они плевать хотели на правила дорожного движения: они запросто могут развернуться навстречку, если им внезапно понадобилось в другую сторону. И в Таиланде много мотомагазинов и байк-фестивалей.

Артур поднял вверх один палец, показывая, что считает.

– Второй. В Таиланде нет нормальных тротуаров: скорее, узкие проходы. Сложно бывает «разойтись». Третий. В Таиланде плохо с сантехникой: вы легко можете встретить чан с водой вместо бачка унитаза даже в хороших кафе и дырку в полу рядом с душем вместо ванны с хорошим стоком.

– Четвёртый.

– Четвёртый. В Таиланде используют большие вентиляторы вместо кондиционеров, ведь большинство кафе «откры-

тые».

– И пятое.

– Все предыдущие факты не омрачают путешествие, потому что красивые пейзажи и гостеприимство тайцев всё компенсируют.

– А ты была на острове, где снимали фильм «Пляж»?

– Ты шутишь?! Ради этого острова я и выдержала три пересадки. Лео – мой герой!

– Ах, да! У тебя же даже тату с ним.

– Я всем говорю, что это молодой Ленин.

Инстинктивно посмотрела на тату на собственном плече.

– Забавно. И как остров?

– Вода там, как расплавленные сапфиры, изумруды и бриллианты вместе взятые, как слеза младенца, которого месяц кормили фиалками. Я видела там местного бомжа: он вёл себя так, будто досрочно попал в рай.

– Вот теперь я завидую!

– Мне или тому бомжу?

– Вам обоим. Я был только в Бангкоке. И то всего один день. Ничего толком не успел посмотреть. Таиланд – удивительная страна, нужен минимум месяц, чтобы самые интересные места исследовать.

– Согласна.

– А куда больше всего хочешь полететь?

– Лос Анджелес. Чтобы заниматься серфингом и встретить какую-нибудь голливудскую звезду. А ты куда хочешь

больше всего?

– В Голландию.

– Кто бы сомневался!

– Я очень люблю цветы.

– Аaaa, поэтому...

– Не люблю я эти клубы. Надеюсь, они натанцевались и можно свалить отсюда.

Он подал знак Денису. Через пять минут мы все были на улице. Ещё полночи мы вчетвером гуляли по ночной Москве и обсуждали Evgomusic. И если честно, это был один из самым приятных разговоров за последнее время. Они не перебивали, не пытались навязать свою точку зрения, уважали мнение собеседника. Что ни говори, но «эти люди» умеют поддерживать беседу. Они очень разносторонние и интересные личности. Ведь им приходится в подростковом возрасте сталкиваться с серьёзными трудностями, которые затем сопровождают их на протяжении всей жизни. А люди, которые прошли через серьёзное моральное испытание, они априори гораздо интереснее.

В Москве куда ни глянь, увидишь какую-нибудь звезду кино или телевидения. Я пошла в океанариум Moscowocean, чтобы прослушать очередную диктофонную запись Дениса, и случайно попала на бесплатные уроки бачаты от участника известных танцевальных шоу. Это мероприятие устроили в честь дня рождения Moscowocean. Сотня людей повторяли

простые движения за популярным танцором. Особенно старались дети и нетрезвые родители. Недавно в музее Булгакова я столкнулась со звездой телесериалов, так уж бесплатный мастер-класс меня уже не удивил. Человек быстро ко всему привыкает, и к хорошему и к плохому. Приспособленческое существо такое!

В кафетерии Moscowоссеан я заказала пирожное с зеленым чаем и наблюдала за касатками в «иллюминатор» – здесь открывался отличный подводный вид бассейна для шоу.

– А у тебя были девушки? – услышала я свой вопрос в наушниках.

– У меня была пятилетняя виртуальная любовь с девушкой из Петербурга. Потом я ездил к ней в гости. Мы вместе пробыли недельку, и потом я ей во всём признался.

– Вот шлюшка!

– Она была немного ошарашена.

– Могу себе представить.

– Но она поддержала меня, сказала, что чувствовала неладное. Слишком уж я её понимал и дослушивал каждую её фразу до конца. Мы до сих пор дружим. Но она как-то написала, что месяц отходила от моего признания.

– Одно дело – когда парень уходит к более красивой тёлке, совсем другое – когда к мужикам. Это такое унижение, наверное! Она, уверена, задумывалась, уж не она ли укрепила в тебе уверенность в твоей ориентации, разобрала всё по

пунктам, почитала даже какие-нибудь статьи в Интернете.

– Может быть. Но женщины не могут быть в этом виноваты, в принципе. Это всё на каком-то генетическом уровне. И для меня в Москве стало открытием, как же много геев! Процентом десять от всех мужиков! И большинство маскируются.

Ко мне подошла девочка лет трёх и бесцеремонно на меня уставилась. Потом полезла рукой в мою тарелку.

– Мама, смотри, какая маленькая красивая тётя! – воскликнул ребёнок.

– Катя, прекрати! Извините! Обычно она скромная.

Да они всегда обычно у вас не орут, не ломают всё вокруг, не требуют внимания. Обычно они у вас всегда очень воспитанные, только я их почему-то встречаю в моменты редких приступов беспардонности.

– Я приехал недавно к мужику. Дом огромный. Куча каких-то наград на стене. Говорит: «Давай знакомиться!» Когда мы вискаря выпили, выяснилось, что он – чиновник высокого ранга. Его жена уехала на отдых, и он пошёл в отрыв. Он уже пятнадцать лет питает слабость к своему водителю, и его водитель об этом знает. Этот водитель старается его поддерживать, пытается убедить его, что всё это «крамольные мысли», что на самом деле тот любит жену и «жажда мужчин» – это всё с жиру чиновник бесится. На время нашего «свидания», он даже отправил водителя домой, чтобы не смущать ни его, ни себя. Я не понимаю таких людей. За-

чем так мучиться? Он идёт против своей природы. Будет всю жизнь страдать. И за те два дня, что я проторчал в его доме, он даже ко мне не притронулся. Ты просто говорили и бухали. Вот так он боится своих желаний!

– Меня больше поражает, что в нашей стране большинство геев предпочитают скрываться, будто быть геем – это преступление. По моему мнению, врать жене и детям куда больший проступок. А врать себе – это уже кощунство. У нас в стране просто нет, так сказать, условий для таких людей. Они дико боятся открыто заявлять о своей ориентации. Они знают, что их будут линчевать на работе, в семье, в обществе. Как это ни трудно признать, русские – те ещё гомофобы.

– Согласен.

Я сделала глоток чая и пошла к «иллюминатору», мимо которого проплывали дельфины. Люблю всё, что связано с темой океана. Океан – это всё равно что небо, в которое можно погрузиться и по которому можно покататься на доске. Это бесконечность, к которой можно прикоснуться. Это всё равно что космос, только не нужны двадцать миллионов долларов и проходить курс подготовки, чтобы там побывать. Другой мир, в котором мы может побыть гостями. Всё равно что Нарния, Зазеркалье, Хогвартс, Вестерос, Средиземье, только доступное человеку.

В аквариуме с акулами можно было увидеть стеклянную трубу с посетителями. Это напоминало какой-нибудь кадр из фильма «Челюсти»: казалось, акулы вот-вот разобьют стек-

лянный проход и накинута на них.

– В обеденный перерыв, – не умолкал голос Дениса в наушниках, – я был у члена компартии. Он любит ролевые игры. Мы трахались прямо в его кабинете с красными флагами. Я даже видел там партбилеты новобранцев.

– В общем, среди всех, похоже, есть «другие».

– И не говори. Сам в шоке!

Я подошла к аквариуму с белугами. Меня толкнул мужчина с фотоаппаратом, и я вспомнила, что нахожусь не у океана, а в Москве. Я словно видела красивый сон, и меня неожиданно разбудили.

За завтраком ко мне подошёл Илья, и сказал, что мужичку из хостела нужно заполнить заявку на шоу Малахова.

– А почему я?!

– Ну, ты ж на телеке была, разбираешься как-никак.

– То, что я когда-то участвовала в известном юмористическом шоу, и меня сам Нартиросян скинул в яму с юмористическими отходами, не значит, что я умею заполнять заявки на шоу Малахова, блин! Там было достаточно просто пройти кастинг!

– Помоги старичку! Он уже всех достал со своей заявкой.

Илья схватил меня под мышку и потащил к столу с ноутбуками. Там, словно коршун добычу, меня поджидал Анатолий Абдулович – очень пожилой человек, который за неделю пребывания в хостеле успевал докучать даже уборщице,

которая приходила в шесть утра и уходила в девять.

– Машенька, помоги!

Я села в кожаное кресло напротив компьютера.

– Так что вы хотите сообщить Малахову?

– В общем, так. Когда я вернулся в Магадан с заработков, всю жизнь работал на золотых приисках, мне пришла бумага, что у меня более ста тысяч долга за коммунальные. Я не знаю, куда деваться! Пошёл к начальнику, обложил его матом. Он сказал, что со света меня сживёт. Ко мне потом приходили приставы несколько раз, приставляли дуло к горлу... Представляешь, мне, пожилому уважаемому человеку! Сво-лочи!

– И я должна всё это кратко описать?!

Я схватилась за голову. Илья тихо злорадствовал в своих огромных наушниках. Мне захотелось его убить за то, что обрёк меня на такую тяжкую участь – общение с Анатолием Абдуловичем. Где-то час заполняла все пункты заявки, корректировала «историю» старика. Когда я дошла до последней фазы отчаяния, Илья принёс мне чай и овсяное печенье.

– Я всё равно тебе ещё припомню эту подставу!

– Машенька, – продолжал Анатолий Абдулович, – у меня на книжке лежал миллион семьсот, а потом смотрю семьдесят тысяч. Как такое возможно!

Он мне ещё про инфляцию будет вспоминать! Я уже была готова вырвать себе волосы. Его рассказ растянулся ещё на полчаса.

– Анатолий Абдулович, вам нужно дома сидеть с собакой возле камина, а вы в хостеле!

– Вот улажу свои дела и поеду обратно. Мне всё равно два раза в год оплачивают поездки. Льготы, ё-моё!

– Ты тоже скоро такой же старой станешь! – потешался Илья. – Тридцатник то у тебя не за горами.

– Да, на днях мне исполнилось двадцать девять. Такая ужасная дата, что я даже не отмечала и никому в хостеле не говорила.

– У тебя была днюха и ты молчала?! Так не пойдёт! Мне нужно видео записать трёхминутное для резюме в Китай. Сначала в парке видео сделаем, а потом напьемся!

– Идёт. Анатолий Абдулович, я нажала кнопку «отправить». Всё, свобода!

Парк, пакет черешни, лимонад «Тархун», разбавленный водкой, или водка, разбавленная «Тархуном». Оказывается, рецепт идеального дня рождения прост. Если ко всему этому добавить ещё симпатичного парня, то просто беспроегрышный вариант.

Илья положил свою голову мне колени и начал пускать мыльные пузыри. Они летели прямо ему на лицо, поэтому он сдувал их в сторону. Я фотографировала всё это на фотоаппарат.

– Как ребёнок, честное слово!

– Вся наша жизнь – детсад!

– Запишу это в цитатник Калашникова. Вся наша жизнь – детсад, а все люди в нём дети, которые пытаются стать воспитателями.

– А все люди в нём – игрушки.

– Это слишком просто, а люди любят всё усложнять.

– Ага. А почему ты так много общаешься с Димой и Денисом? Денис, ладно, он – педик, и ты пишешь про него книгу...

– Так ты знал про его ориентацию?

– Сейчас знаю.

– Зараза! Почему твой приём всегда срabатывает! Просто предполагаешь и получаешь подтверждение.

– Эффект неожиданности.

– И ты нормально к ... ним относишься?

– К геям, что ли? Да мне на них наплевать. Пусть себе живут.

– Вот она – типичная позиция русского человека. И те, кто предпочитают, не просто бездействовать, а нападать, этим пользуются.

– По-моему всё больше людей относятся к ним нормально. А я никак к ним не отношусь.

– Илья, Илья, хороший ты человек, божий одуванчик, можно сказать. Если кто-то с тобой делится едой в хостеле, ты потом пытаешься поделиться с ним своей. Ты со всеми в дружеских отношениях, всем пытаешься угодить, всех веселишь, и при этом ничего, в принципе, не получаешь взамен.

– От девок получаю.

– Думаю, они от тебя получают гораздо больше. Ты ведешь себя с ними очень приветливо, дружелюбно, галантно, можно сказать, пока не напьёшься. Они такого обращения в жизни, наверное, не видели. А тут ты их бац и ошарашиваешь. Ты вообще создаёшь в хостеле классную атмосферу.

– Я просто пытаюсь быть человечным и обаятельным, и некоторых это прям пугает, а другим, наоборот, нравится.

– Так зачем ты прозябаешь в хостеле? Ты ж вроде образованный.

– Там очень много баб!

– Что-то в последнее время их там совсем не видно. Очнись, студенческий сезон закончился, поступающие на режиссёрское девки перевелись!

– Но ты ж ещё осталась!

– Не знаю, сколько я здесь ещё продержусь. А ты мне напоминаешь меня в двадцать три года. Я вот точно такой же была.

– В смысле раздолбайкой?

– Да. Только тебе не будет всегда двадцать три. Ты вырастешь и уже не можешь всё воспринимать, как раньше. Забивать на всё большой и толстый хорошо до поры до времени, а потом нужно чего-то добиваться, самоопределяться, зарабатывать. А ты вдруг понимаешь, что умеешь только быть весёлым и легкомысленным, ничего больше.

– Грустно. Нужно как-то уезжать в Китай!

– Несомненно.

Мы снова выпили бурды из водки и лимонада.

– За то, чтобы у нас всё получилось! – предложил очередной тост Илья.

– Это было бы неплохо. У тебя есть деньги?

Среди жителей хостела этот вопрос не звучит двусмысленно. Он означает, есть ли у тебя сумма в районе тысячи рублей, чтобы скинуться на какой-нибудь кипиш.

– У меня был урок английского с не очень умным ребёнком. Да, денежки имеются. А что? Ты хочешь скинуться на гостиницу?

– Я хотела сходить в киношку, но твоя идея тоже зачётная.

«А почему, собственно, нет? Когда мне было лет пятнадцать, такой симпатичный парень сроду бы на меня не посмотрел. И это скорее я его сняла, чем он меня. Страшненьким девушкам приходится самим снимать парней... Блин, это ж из моего стендапа!» – думала я.

Мы посчитали, сколько у нас денег, и прикинули, на какую гостиницу нам хватит. На смартфоне нашли адрес подходящей.

– Нужно взять ещё выпивки, – сказал Илья.

– И пену для ванны. Там есть ванна! Я уже третий месяц не видела отдельной ванной!

– Твоя идея мне нравится.

В гостинице мы провели в постели от силы час, а потом

набрали ванну с пеной. Илья врубил на смартфоне группу Panic! At the Disco. Как ни странно, наши музыкальные вкусы совершенно совпадали: инди-рок, фолк, поп-рок, альтернативный рок. Под песню «Nicotine» он пускал кольца из табачного дыма и разливал нам коньяк по одноразовым стаканчикам. Затем он включил System of a down – «Toxicity».

– Они шедеврально! – сказала я очевидную речь.

– Гениальные армяне. Сейчас раскрою тайну, моя мать – армянка, и я знаю армянский.

– Да ну! По тебе не скажешь. Темные курчавые волосы, карие глаза, волосатая грудь, слабость до слабого пола... Нет, ты совсем не похож на армянина.

– А мне говорят, что я на европейца похож.

– Все европейцы – эмигранты.

Он включил Imigion Dragons – Believer.

– Такое ощущение, что ты мой плей-лист крутишь. Если бы я твой предварительно не посмотрела, подумала бы, что ты просто с моей страницы аудиозаписи крутишь.

– Не, эти группы я сам обожаю. Pain! You break me down, you build me up, believer, believer, – начал он подпевать.

У Ильи была привычка всё время напевать, при этом у него совершенно не было слуха. Его это не останавливало. И получалось у него корёжить песни очень даже обаятельно. Это смотрелось мило. Иногда даже напоминало фальцет Джастина Тимберлейка, которому медведь неожиданно наступил на ухо.

– Pain! You break me down, you build me up, believer, believer, – не унимался Илья.

Я опустила его курчавую голову в воду с пеной. Когда он вынырнул, произнёс, утирая глаза:

– Я надеюсь, это из-за того, что я плохо пою, а не из-за того, что я сегодня был плох.

– Нет, ты был хорош.

– Не сомневаюсь.

– Ха, какая уверенность! Может, это из-за того, что у меня больше года не было секса. С голодухи, знаешь ли, и уксус сладкий.

– Больше года?! Серьёзно? Как так можно! Сейчас продолжим! Только ещё один секретный факт про меня.

Он показал мне свою ладонь с шестым пальцем. До этого момента я действительно так и не заметила, хотя обычно я очень внимательна. То ли он привык это скрывать, то ли я просто слишком много думала о себе.

– Не знаю, чего же про себя такого сказать и показать. Пророст ты и так знаешь. Я иногда слушаю Женю Белоусова.

– Я тоже, представь себе! Девчонка, девчоночка, темные очи, я люблю тебя, девочка очень.

– Только не включай!

Но он уже нашёл трек и включил его на полную громкость.

– Это точно лучший день рождения в моей жизни.

– Не сомневаюсь!

Он приблизился ко мне, и мы начали целоваться.

Денис этим утром был явно не в духе: он простыл, у него срывались несколько заказов, Анна Георгиевна требовала с него оплату. Анна Георгиевна была нашим вторым администратором. Её побаивались и жильцы, и уборщицы: она маниакально преследовала всех, кто не мыл за собой посуду, находила их по камерам и штрафовала. Про таких женщин говорят «с ней не забалуешь», «с ней шутки плохи», «внимание, приближается». И она ввела одну систему: должников у нас не выселяли, а предлагали впредь платить напрямую администратору и по двести рублей в сутки. Но койка-место таким жильцам предоставлялись только если были в наличии, а в в хостеле частенько всё было забито под завязку. Поэтому горемыки ночевали на диванах в холе или засыпали перед компами. И эту ночь Денис провёл, как раз, в кожаном кресле. Это его разозлило ещё больше.

– Если завтра не будет оплаты, можешь не возвращаться, – угрожала ему Анна Георгиевна, когда мы завтракали на кухне.

– Я и так хочу уже съехать отсюда.

– Скатертью дорога!

И она пошла искать новую жертву. Анна Георгиевна всегда «жаждала крови».

– Я слышала, как ты храпел, – сказала я Денису, – Просто как бульдозер. А потом резко перестал.

– Я болею, блин. И из-за этого сегодня не смогу поехать

на заказ. А деньги давно растратил все.

– Да, рассчитывать ты не умеешь, это факт.

– Вчера вообще был отвратнейший день. Пошли покурим, расскажу!

На кухне был вездесущий Валера, у которого «ушки всегда на макушке». Мы решили не рисковать и пошли курить за хостел.

– Вчера мне пришлось с двумя мужиками сразу. И заказчик не предупредил об этом. Я полтора часа добирался до Балашихи, приехал, и он такой: «Нас двое. Но мы заплатим больше». Я: «Ладно, ок». Они были под какой-то дрянью, божемные хипстеры, художники кажется или дизайнеры, не знаю, правда, почему они в Балашихе базируются. В общем, один у меня отсасывал, а второй долбил в задницу. Я чувствовал себя, как...

Он был готов заплакать. Я заранее начинала беспокоиться: я совершенно не была готова к мужским слезам, не знала, как себя вести рядом с плачущим мужчиной, не проходила инструктаж по первой помощи при скупой мужской слезе. «Только не плачь, только не плачь». Денис словно услышал мой призыв и успокоился.

– Это такое воспоминание, к которому хочется привязать камень и выбросить в реку.

– Шикарно!

– Что?!

– Сказал шикарно!

– Я тебе рассказываю, как надо мной надругались, а ты цитаты подбираешь?!

– Извини! Я понимаю, это воспоминание, которое хочется похоронить заживо. Воспоминание, которое хочется запечатать в сейфе. Воспоминание, которое хочется замуровать в бетон. Но ты же понимаешь, что рано или поздно случаются осечки. Не все клиенты ... адекватные. Ты сам на это подписался. Твоя работа рискованная, что говорить!

– Но я не думал, что так скоро почувствую себя настолько унижительно и омерзительно. Это просто беее.

Денис изобразил рвотные позывы.

– Мало того, эти мужики были настолько стрёмные, что мне пришлось закрывать глаза и представлять Диму.

– Да, хорошо, что Дима не знает, что на его задницу виды имеют.

– Ну, просто я его часто вижу в хостеле, и он симпатичный, он мне даже иногда снится. Вроде как мы заходим на кухню хостела и начинаем на столе заниматься этим делом. Потом собираются жильцы и начинают нам хлопать, а в конце ещё и выставляют оценки. Я вообще практически не сплю. А когда сплю, видишь, какая фигня мне снится! Я скоро сойду с ума! Но бабло нужно!

– Так ты не собираешься завязывать?

– Пока нет. Без вариантов.

– Надеюсь, что всё это не зря. Был такой человек Нил Кэсиди. Он был прототипом для героя книги Керуака «На до-

роге», ещё он встречается в книге Хантера Томпсона «Ангелы ада», а с поэтом Алленом Гинзбергом он вообще двадцать лет был в отношениях. Вот такой основоположник бит-поколения в литературе, который даже ничего не написал стоящего. Понимаешь, Артур рано или поздно узнает, или просто догадается.

– Ты ему что-нибудь говорила?

– Только то, что пишу книгу об отношении к геям в России. Но рано или поздно он узнает. Или другие твои близкие. И одно дело, если ты будешь обычным шлюхом, а совсем другое, если мы создадим тебе ореол литературного персонажа. Кого Артур простит охотнее?

– Да, книга нужна и тебе и мне. А сколько ты уже написала?

– Страницы две.

– Что?! Такими темпами ты закончишь к моей пенсии.

– Ну, у тебя пенсия должна наступить раньше... Тяжёлые условия труда.

– Издеваешься? Лучше скажи, ты меня осуждаешь?

– Скорее, я осуждаю тех людей, которые кого-то осуждают. Вряд ли кто-то из нас вообще наделён привилегией осуждения.

– Сильно сказано! А убийство и всё такое?

– Это совсем другая история. Там окончательное решение выносят профессионалы, судебная система, а не общественное мнение.

– А те, кто пиздят йогурты из нашего холодильника?

– Это просто сволочи! Их без суда и следствия!

В коридоре мы встретили Диму, того самого белобрысого парня, который нравился Денису. Дима приехал в Москву на десять дней, чтобы отдохнуть перед тем, как вернуться на последний курс своего авиакосмического факультета в каком-то периферийном университете. Он весьма разбирался в истории, и мы постоянно беседовали о Петре Великом и Сергее Королёве, много пил, мы как-то накатили за дедов, воевавших в трёх войнах, в Парке Победы, и поразительно легко находил со всеми общий язык. Типичный парень с большим будущим. Он потом будет много разрабатывать, много зарабатывать, много путешествовать и т.д. Такие сразу выделяются. А пока он просто наслаждался жизнью в Москве, и за несколько дней успел выпить несколько литров водки, а так же посетить планетарий, Парк Победы, музей космонавтики, музей Пушкина и музей Чехова. В общем, времени зря никогда не терял парень.

– Помните, того мужика, которого из хостела на скорой увезли? – спросил он у нас.

– Это который неделю бухал, а потом пил соду от изжоги?

– Ага, говорят, полпачки за пару дней выпил. Так он сегодня умер в больнице. Мне Юрок сказал, он пошёл навестить его и... узнал.

– Вот так живёшь, живёшь, а потом бац, и полпачки соды выжираешь, из хостела на неотложке выезжаешь, и через

пару дней умираешь.

– Ты прям реп прочитала. Да, задумываешься о смысле бытия в такие моменты.

– Да, чего только в хостеле не происходит. Осталось только ещё родиться кому-нибудь, – поддержал беседу Денис.

– По-моему, единственное, что здесь может родиться – цирроз печени, – продолжила я светскую беседу.

– Вы намекаете, что я много бухаю? Так это только в Москве. Дома учиться придётся.

– Не ври! Я видела твой инстаграм.

– Ладно, в универе я тожé пью иногда. Предлагаю перейти на чай!

– Поддерживаю!

– Поддерживаю!

Жизнь в хостеле напоминала бесконечную тусовку. Чуть ли не каждый вечер наши индейцы пели под окнами испанские песни, все распивали пивко и подпевали им. Потом же на индейца угощала каким-то острым блюдом, и все переходили уже на ром и водку. На кухне постоянно кто-нибудь разговаривал о великом. Ещё жизнь в хостеле напоминала пионер-лагерь. Мы компаниями смотрели фильмы на большом экране в холе, играли иногда в карты или шахматы, выстаивали очередь в душ. В любом случае всегда было весело. Но известие о смерти человека меня немного отрезвило. «Но вечных праздников не существует! – подумала я. – Рано или поздно приходится возвращаться в реальность. Рано

или поздно приходится взрослеть. Как я ненавижу все эти ваши правила и стереотипы! Не я их придумала, так почему я должна их соблюдать! Ох уж эти социальные игры на выживание! Вот ты поднимешься по социальной лестнице, если будешь играть по правилам, а нет, тебя выбросят на обочину жизни – одинокого, бедного, неприспособленного в чистое поле. Ты обязан вписываться в рамки, соответствовать определённому шаблону, а нет, на тебе поставят клеймо «неудачник» или, того хуже, «с собственным мнением, лучше не рисковать». А с другой стороны, быть собой вовсе не значит «сидеть в Интернете целыми днями, спать до полудня, лентяйничать, вести себя как идиот». В общем, везде нужны «невидимые весы», которые бы указывали, когда уже хватит. Во всем нужно искать компромисс. Хочешь, не хочешь, но это так. Так вот большинству из нас нужны эти самые «невидимые весы». Люди взвешивают только свой жир, а моральные аспекты и свои решения взвешивать не любят и особо с ними не заморачиваются. Что со мной? Почему меня в последнее время тянет на самокопание? Видимо, я действительно старею. Но я не хочу ответственности, нудной работы, семьи. Я хочу треша, party, вечного праздника, веселья. Тьфу, тьфу, занудство! Я чувствую себя на пятнадцать, а возраст – это всего лишь отметка в паспорте! Блин, говорю, как пенсионерка! Я становлюсь банальной! В общем, стоп, паранойя, остановись!»

И паранойя послушалась, ушла прочь.

В Москве, куда ни пойдёшь, обязательно наткнёшься на церковь. Порой кажется, что Москва – это православный Ватикан. Или что большинство жителей столицы – ярые прихожане, или что мэр Москвы – этакий Савонарола. Не то что бы я знаю биографию Савонаролы, но, судя по документальному сериалу «Медици. Крестные отцы Ренессанса», который я каждое утро смотрела на кухне хостела, Савонарола был крайне аскетичен и серьёзно настроен по отношению к тем, кто пользовались духами, играли в карты и т.д. И не то чтобы такое количество храмов в одном городе – это плохо, но звонящие со всех сторон колокола как-то не заставляют москвичей бросать бычки, выкидывать пиво и идти на службу. Это всё выглядит как декорация праведного образа жизни, то есть не в действительности строят нравственность, а используют бутафорию. И в каждой такой церкви стоит по несколько урн с надписями «на воскресную школу», «для бездомных», «на воскресные обеды для бездомных», «на форму для учениц воскресной школы». Естественно, ты не можешь заглянуть в тетрадь расходов храма и проверить, действительно ли деньги тратят по назначению. Я видела, как у моей знакомой отпели сына: приехал священник на японской новой машине, пятнадцать минут «поработал», забрал пять тысяч, сел опять в свою японскую машину и укатил восвояси. «Специалист по церковным услугам», что ли? Всё больше священнослужители похожи на «специалистов

по церковным услугам». А эти церковные лавки прямо в храме. Что-то Иисус был против торговли в стенах и окрестностях церкви, судя по этому отрывку из «Нового Завета»: «И вошёл Иисус в храм и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и говорил им: написано – дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников». Лицемерие, сплошь и рядом одно лицемерие!

Да, у меня было очередное собеседование в очередной конторе, и ориентиром конторы был очередной храм. Но я пошла к другому храму и заблудилась. Спасла веб-карта. Потом шлагбаум, затем второй шлагбаум, за ним третий, «А вам в здание с другой стороны входить, обойдите по кругу».

– Здравствуйте, вы пригласили на собеседование по Head Hunter.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.